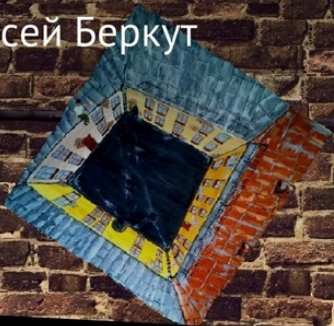
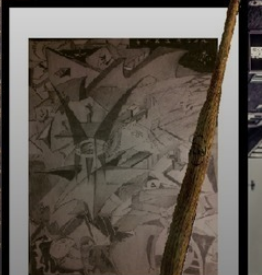

Алексей Беркут

ДЕТИ ПУСТЫРЕЙ

Алексей Беркут

Дети пустырей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571251

ISBN 9785448361432

Аннотация

Молодёжь – кривое зеркало, жизнь прошлых поколений под увеличительным стеклом, всего лишь очередное поколение. Взрослые умеют ругать и обвинять, но не признавать свою причастность к поступкам детей. Гаврила и Костя – обычные подростки с рабочей окраины мегаполиса, на воспитание которых не хватает времени, сил у родителей. Эта история о самом важном этапе жизни каждого человека и этих парней. Какой путь они выберут и куда он приведет?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1 Риллимен	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дети пустырей

Алексей Беркут

*Молодёжь – кривое зеркало, жизнь
прошлых поколений под увеличительным
стеклом,*

Молодежь – всего лишь очередное поколение.

© Алексей Беркут, 2017

© Алексей Геннадьевич Беркутов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6143-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1 Риллимен

*Железобетон в моих жилах.
В глазах блеск больших городов.
В руках моих автомобили,
что летят по дорогам вновь и вновь.*

*Мне лень перекроить самого себя.
Мне жаль, что я неродивое дитя.
Мне плевать! Не плевать?!
На судьбы сотен, тысяч людей.
И очень больно вспоминать,
как среди домов гонял свою тень.*

*Никотин, алкоголь, бесконечные драки.
Вот, что на улицах моих.
Люди стали жить, словно волки, как собаки.
Делят всё. Нет своих...*

Интересно, что может делать парень в восемнадцать лет. Просто беззаботно жить. С совсем еще пустой головой и большими амбициями. Еще не подрезанными крыльями и завышенным самомнением.

Так было и сегодня.

Проснулся. Съел все, что успел схватить с кухонного сто-

ла за время трех коротких перебежек от кровати до санузла. Вбежал обратно в комнату, чтобы порыться в ворохе мятых футболок, свитеров и джинсов, и наспех разложил по карманам телефон, кредитку, флэш-карту и мелочь. На ходу вспрыгнул в старые кеды и выбежал в обшарпанный подъезд панельной двенадцатиэтажки.

Уже подпрыгивая к лифту, понимаю, что никакая кабина не придет. На ходу уминая остатки бутерброда, я начинаю преодолевать один лестничный марш за другим. На паре площадок у окон стоят соседи в обычном отрешенно-сонном состоянии и курят.

На бегу продолжаю изучать настенную живопись моих сверстников. Маркерами начирканные бранные словечки и неандертальского уровня рисунки.

На площадке четвертого этажа с утра пораньше уже трутся один из моих приятелей со своей девчонкой. Быстро обменявшись рукопожатиями, я продолжаю спускаться и вот уже стою у подъезда. Немножко отдышавшись, и почувствовав, как футболка впитала пару капель пота в районе лопаток, поворачиваю влево и шагаю вдоль дома.

Как здорово, когда наступает суббота. Не надо идти на учебу. И с утра уже встаешь с большим желанием, а вовсе не отвращением и пониманием собственной никчемности.

Ты часто подмечаешь, чем живут подростки, нет, а я да. Мне это нравится. Сидишь где-нибудь на спортивной площадке или на гаражах, наблюдаешь. Неважно где, да хоть ря-

дом. Они чешут о своём, а я смотрю, что вокруг творится.

Да ладно, подростки. Меня все интересуют. Есть у меня такая странная, дурная привычка, наблюдать за разными людьми. Интересно абсолютно все, мимика, жесты, как ругаются и мирятся, спорят, бегут, режут, смеются, как выходят из магазинов, как закрывают багажник машины и вся прочая ежедневная бытовая суета.

Мне сейчас восемнадцать, почти восемнадцать, думаю, что скоро в армию. Так что на учёбу, как и многие из моих сверстников практически забил. Ну да ладно, ближе к делу.

Эта история все же про моего друга, нежели про меня. Хотя все так перепутано и сплетено, что не разобрать порой, про кого больше. У нашей дружбы много лет истории по меркам возраста, но расскажу я именно об этих нескольких месяцах.

У меня хоть родители есть. Матушка в отделе снабжения одной небольшой конторы трудится, а отец, как говорится, гайки крутит в автосервисе. Брат мой старший, просто балбес, где-то шарахается постоянно с друзьями на тачке. От армии откосил, месяц работает, три бездельничает, даже квартиру снимать не хочет.

В двадцать семь лет с родителями и со мной живет, мне просто смешно. Тупой иждивенец, как пробка, в общем. Отец регулярно мне говорит, чтобы я не шел по стопам брата. Он и матери так говорит. Пару раз слышал ночью их разговор на кухне, что-то вроде, лишь бы Костя толковее полу-

чился.

А вот Гаврила, мой друг. Он, по сути, сирота. При живом отце. Если честно, мне кажется сейчас таких же, как он, не одна тысяча в нашей стране. Матушку он не любит вспоминать, вроде как пьяная угодила под машину, возвращаясь с очередным фанфуриком из аптеки. Отец его был в молодости спортсменом, но в итоге проиграл все возможные соревнования, поругался с тренером. А потом на стероидах сдулся и скуксился. После смерти второй жены, матери Гаврилы, он тоже начал спиваться. Теперь дядя Паша, уже просто стандартный алкаш-деградант, как я их называю.

Ах да, на самом деле у Гаврилы еще есть брат и сестра, по отцу, от первого брака.

Брат по контракту третий год служит в армии, где-то далеко, видимо без разглашения. Даже сам Гаврила толком ничего не знает, хотя может просто держит язык за зубами. Здесь у него осталась бывшая жена и сын, любимый племянник Гаврилы, Руслан, которому уже шесть. Хотя у него оба племянника любимые.

А сестра замужем за каким-то неадекватным типом гораздо старше ее. Он шабашит изредка каменщиком, а все заработанное пропивает. Приходит домой и мутузит Маринку. А она ушла бы, да куда уж там, ребенку три года, молодая и глупая была. Вот и попала, как и многие другие, в этакий замкнутый круг обстоятельств. Не к отцу же, забулдыге, идти, как она говорит. Сейчас много таких, работают, тянут

и ребенка, терпят мужика и не могут найти правильный выход.

Вообще-то Марина хорошая, насколько я могу судить об этом. Она ведь только и заботится о Гавриле. Стирает, кормит, когда он изредка забегает, так-то он вообще дикий, колючий, как она говорит.

Я уже подхожу к углу дома, когда замечаю Гаврилу у одного из гаражей, напротив последнего подъезда. Он как обычно в демисезонной куртке на меху с капюшоном и затертых серых джинсах. Он весь в отца пошел. Для своих семнадцати лет довольно высокий, крепкий, с широкими плечами и длинными мускулистыми руками.

Гаврила и ненавидит, и любит отца. Плохо понимает, вот это уж точно.

– Здорово, Костыль, – басит хриловато он мне.

Я подхожу и жму руку.

– Привет, Гав. Чего такой хмурый? С батей опять поругался?

– Да пошел он. Как обычно пьяный заявился, давай жизни учить. Чего-то лечит, лечит, половину слов вообще не разобрать. Одни пьяные понты. Пришлось в подъезде спать. Все равно же лучше, чем идти домой и получать люлей от этого алкоголика.

– Чего не позвонил? – искренне спрашиваю я.

– Да, ладно. Тебе тоже напряги от предков ни к чему, брат. Погнали на оптовые базы, немного пошабашим у коммерсов

разгрузкой.

– Это дело, Гав, – отвечаю я и иду за другом.

Мне почти на полтора года больше и все же я частенько слушаю его, хоть и младшего. Он, как бы, лидер по натуре. Так и сегодня не произошло исключения, я просто без споров последовал за ним.

Мы проскочили между гаражами и небольшим офисным центром, прошли большой, заросший тополями двор и вынырнули на улицу, идущую вдоль дороги. Впереди и справа замаячили россыпь пятиэтажек. У ближайшей, почти у самого входа в обычный продуктовый магазин, сидели местные олигархи, бабули – торговки.

Едва мы поравнялись с ними, как одна из них сразу, словно впилась в нас взглядом. Остальные тоже прекратили сплетничать и настороженно следили за нами.

– Чего вытарацились? – дерзко рявкнул Гаврила, – людей не видели?

– Иди отсюда, сопляк! – тут же взвизгнула та, что сидела ближе всех к нам, – Ходят, бродят беспризорники. Товар воруют.

Продолжила она, обращаясь больше уже к подружкам, нежели к нам.

Я даже не успел остановить Гаврилу и не ожидал от него.

– Сама ты воруеть! – рявкнул он, – тебе моя одежда не нравится!

Бабулька замолкла, то ли от наглости его, то ли осмыслив

мгновенно суть скандала.

Гаврила же наоборот, начал разгон.

– А вы что смотрите!?! Извините, не в той семье родился. Неправильно выбрал утробу. Не ту спичку вытащил на собрании «головастиков».

Бабки начали совестливо опускать глаза и делать вид, что поправляют товар, а я начал тянуть друга за рукав куртки.

И ведь он в чем-то прав. Пусть у него затасканная одежда, но почему вдруг такие суждения. Он ведь не мечтал, что подрастет и будет видеть регулярно глаза взрослых, брезгливо отводящих взгляд и резко меняющих траекторию своего маршрута. Просто кругом шаблонные люди, я так думаю.

– Забей, Гаврила. Что с них возьмешь, стереотипные старушки. Если б у них свои мозги были бы, не сидели бы с носками и семечками сейчас у магазина. Были бы мозги, они бы накопления не в МММ вложили, а в золото или Всетащим-Пром.

– Ты вообще про что? – недоуменно взглянув на меня, пробурчал Гаврила и неожиданно свернул к светофору.

– Я тебе в принципе объясняю. Вот они недовольны тобой, мной. Но они же сами выбрали президента, который их обманул, всех опрокинул, всё развалил, западную грязь к нам пустил. Сами наивно доверились, страну развалили. И вместо того, чтобы восстановить, порядок навести, просто опустили головы. Как терпилы теперь живут. Мы ведь уже второе поколение, которое растет в этой грязи.

– А кто первое? – с усмешкой спросил вдруг Гаврила.

– Ничего смешного. Твои и мои родители и есть первое поколение. Они вдоволь грязи хлебнули. Гуляй, тварь, по России, превращай нас в отморожков, вот вся фишка. Вот смотри, булки с котлетой, это ведь тоже часть этой грязи. У нас тоже эта грязь открылась в соседнем районе. И большинство ест, ведется на рекламу. Ладно, хоть мы такое не едим. Попросту и денег у нас немного, мы же не столичные или как некоторые благополучные. И когда с трех лет слышишь с самого утра маты, базар про деньги, про беспредел. Да, папа и мама хотят, чтобы в такой атмосфере и обстановке мы выросли воспитанные, культурные и образованные. Мы же только родились, когда власть поменялась. Ладно, хоть следующий нормальный пришел к власти.

– Господи, Костыль. Хватит философствовать! Опять начитался пропаганды.

Я уже не мог остановиться. Потребность поделиться мыслью, как обычно переборола здравый смысл не досаждать.

– Ты понимаешь, что у нас нет идеалов, незримых идолов, как у прежних поколений?! Как это было у наших советских родителей. Мы отмороженное поколение, мы и сами это в душе признаём, знаем всё, мы ведь не тупые, в конце концов. И у нас не было чистого и беззаботного детства. Это для нас боль. А как иначе. Они ещё хотят, чтобы мы другие были. А ты знаешь, почему бабки такие агрессивные, да и ты тоже?! Ты знаешь друг, что больше всего люди прячут? Боль,

правда, боль. Им, например, больно осознавать правду, свои ошибки.

– Да и х..., с ними, со всеми. Ты лучше слушай, Костыль, что вчера произошло. Я уже сутки на ганашнике. Какие-то левые на районе покуражились. А теперь местные старожилы на нас бочку катят. Парни уже в курсе завязки, уже даже приметили одного на Крестинского. Непокойно у меня на душе, но зато вяжется канитель хорошая.

– Оно тебе надо, Гав?! Может, перестанешь лезть в каждую непонятку?

Гаврила насупился и отвернулся, и тут же громко захрустел подошвами ботинок по щебенке. Мы приближались к разномастным складам на Титова. Я тоже решил больше не доставать друга и плелся, чуть позади.

Справа загудел и неторопливо проехал мимо железнодорожный грузовой состав. Продолжали плестись по узкой и изрядно разбитой дороге, многочисленные машины.

Мысли роились в моей голове и не отпускали. Все не отставала навязчивая идея о том, что наших родителей обманули, впрочем, и неудивительно это казалось. Несложно обмануть людей, не читающих развивающие кругозор, умные книги, не имеющих собственного мнения, а смотрящих токшоу и за пятьсот рублей продающих свой голос на выборах.

Зато все думают, что все знают. Бла, бла, бла. Ну как вообще может народ не разбираться, что вы! Народ, который знает, как правильно руководить США, Китаем и Евросою-

зом, который знает, как решить проблемы глобального потепления. Который знает, кто виноват в многолетних неудачах своей футбольной сборной и как это исправить. Знает, какого именно министра посадить и почему вдруг реформы хромают.

Так же и с подростками, вроде нас. Одна лишь ругань и осуждение. Ведь всех заботят лишь шкурные интересы. Откуда берутся такие гоблины, нелюди. Вообще-то не из космоса, пробирки и не американцы присылают экспресс-почтой. Это порождение общества, по сути, ваши дети. Сейчас на улице вы осуждаете подростка за аморальное поведение, а дома такого же растите. Вы точно таких же хулиганов воспитываете, и еще удивляетесь, откуда. Ваше порождение. Вы шкурные интересы свои отстаиваете, сами не лучше и воспитываете свои копии. Их шкурные интересы думать о своих надобностях. Вот и все. Вы не умеете быть настоящими людьми, живете без сочувствия, полны цинизма и алчности. И воспитываете свое подобие. Просто чаще необходимо в зеркало смотреть и не для того, чтобы свои силиконовые гудки рассмотреть, полюбоваться, а чтобы задать вопрос. А чем я лучше. А правильно ли живу, поступаю с ближним своим. Вы ругаете подростков, а сами лучше? При виде большой лужи многие вообще впадают в ступор. При виде упавшего на тротуар или на остановке старика, большинство граждан включают дурачка, и торопливо удаляются. То же самое и с благотворительностью. Как денег на операцию ре-

бенку собрать, нет, это вас не касается. Как машина врезалась, так надо, оказывается, отбежать на двадцать метров, а не помочь. А если загорелась с людьми внутри, так не вытаскать, а снимать на телефон и выкладывать в свою убогую страничку в интернете, чтобы прославиться. И после этого кто-то хочет, чтобы по щелчку пальцев выросло адекватное, человеческое поколение.

Глава 2

Бездомный бог

*Белые мухи летят.
И звучит это, как пророчество.
В снежинках чьи-то души спят.
Прячут в них люди своё одиночество.*

*Ровным слоем ложится снег
И закрывает раны на асфальте.
Заканчивает время зимнее свой бег.
Пробивается по грязи снежное пенальти.*

*Мягкое белое одеяло расстелилось.
И уснула под ним природа.
Со временем в проблемах сердце определилось.
Забывать? Уйти? И всё такого рода.*

*Белое безмолвие окружило город.
И похоже все на сказку новую.
Жизнь начинает другую народ.
Очистил снег и души наши, и больную голову.*

Мы с Гаврилой разные. Он иногда самоуверенный, даже порой слишком наглый. Прямолинейный, и вовсе даже не потому, что прав, это больше наглость. А я наоборот, рассудительный, временами читаю нравоучения, в том числе и ему. Слишком правильный, как друг мне говорит, и порой

даже занудный, сильно занудный.

В этом году конец марта выдался довольно теплый, и еще вчера дул холодный пронизывающий ветер и по улицам носило снег, а сегодня уже припекает солнце, штиль и местами, особенно над теплотрассами из земли полезла трава, мать-и-мачеха.

Для меня это вообще благодать. Просто я люблю, не знаю почему, частенько пройтись вдоль промышленной зоны на Вторчике, посидеть на каком-нибудь безлюдном пустыре в районе заводов, совсем рядом с трамвайными путями.

Люблю просто смотреть по сторонам, наблюдать за прохожими, слушать стук трамвайных колес, а больше всего нравится смотреть на старые, грязно-рыжие кирпичные стены, построенных еще в советское время цехов. Более поздние здания, особенно выкрашенные в нездоровый желтовато-бежевый цвет, меня вообще не привлекают. Они навевают грусть и словно призывают людей впадать в апатию.

После преддипломной практики я возвращался домой и, как и прежде, не удержался. Посидел на пустыре возле заводских конструкций, изучил новые граффити на бетонном заборе и только тогда, примерно через полчаса, двинулся дальше.

Он шел по другой стороне улицы и, едва завидев меня, сразу перебежал дорогу, перед самым носом едва успевшей затормозить легковушки.

– Костыль, здорово! Давно не виделись, – монотонно про-

изнес он и протянул озябшую руку.

– Привет, Гаврила, – ответил я на ходу и замедлил шаг, – Где пропал?

– Мой отец решил оставить меня без карманных денег, полный ништяк. Думаю, всё обойдётся. Всё потому, что я неделю не появлялся дома. А на фига, учебники с собой, одет и обут. Тусуюсь сам по себе. Сплю, у кого придётся. Так, а что?! Если с ним нет общего языка, что я буду глаза мозолить этому алкоголику.

Я посмотрел на друга. Глаза его выдавали собой очень глубокое ущелье. И неудивительно. Бесцельное бродяжничество по «пустыне зла» – городу, вот какое теперь основное его занятие. Пустота и отсутствие адекватной цели, жизненных ориентиров. Я вот тоже на словах это понимаю, а не будь родителей и все, тоже бы слонялся и не понимал, что делать и правильно ли я поступаю.

Срывание стебельков из дыма и света, это увлечение от безделья. Он, как и прочие тысячи подростков слоняется по улицам родного города. Заняться особо нечем, тут ведь, как лотерея. Кому-то попадетс я удачный билетик, где теб я отдадут успешные родители в секцию самбо, хоккея или будут готовить к будущей жизни бизнесмена. А большинство подростков, пока родители пытаются заработать денег на ипотеку, новые туфли и страховку для взятой в очередной кредит машины, слоняются в поисках денег на очередную бутылку незаконного алкоголя или того хуже.

Если в голове пустота и нет рядом адекватного жандарма, то срабатывают только низменные инстинкты и примитивные беспринципные желания. Например, выпить и идти хулиганить, унижать, кого попало, в общем, кому не повезёт.

Гаврила, конечно, был не совсем такой. Не бил никого первый, хотя изрядно получал, когда оказывался не в то время и не в том месте. Я даже поражался иной раз, как он умудряется найти приключения, то у него новый синяк под глазом, то ходит и хромает неделю-две. А едва зажило, исчезла боль, потускнели бланши и швы, все. Он снова веселый, самоуверенный и задиристый.

Мои родители вообще не одобряют общение с ним. Они попросту называют его преступником. А я считаю, что каждый сам должен решать, с кем ему общаться, кого слушать и уважать, кого ненавидеть или любить.

Мысли роились в голове всю дорогу, пока мы брели вдоль трамвайных путей. Голос друга вернул меня в реальность.

– Костыль, может, зайдем куда-нибудь? – пробурчал он.

Я не сразу сообразил и, только когда мы оказались в одной из обычных многочисленных кафе, до меня дошло. Гаврила замерз, ему просто хотелось отогреться немного, после скитаний, а я сижу при этом и ем мороженое.

Минут через двадцать он отогрелся, тут же начал вслух кидать идеи, куда сегодня пойти развлекаться. Я же надумывал, как аккуратно отказаться и пойти домой. Настроение было не особо подходящее для прогулок, но его азарт и дав-

ление сделали свое дело.

И едва я доел мороженое, а он допил вторую чашку горячего, обжигающего крепкого кофе, как мы уже стояли на улице. Свежий воздух и морозный ветер сделали свое дело, мы оперативно застегнули куртки и направились во дворы. Было начало апреля, семь вечера. Темнеет, конечно, не так, как в декабре, но уже заметно смеркалось.

Мы взяли слабого алкоголя в обычном магазине. Это вовсе несложно. Кажется, что законы действуют. Нет, везде нарушаются. Страна прогнивает изнутри, все строится на шкурных интересах.

Ведь в любой администрации сидят люди, которым нужно достраивать свои коттеджи, отправлять детей учиться в Европу, не оставаться же им среди таких, как мы, тупой массы россиян. А еще им нужно обновить средство передвижения с модным логотипом до новой версии и наличку, добытую непосильным трудом, в оффшор слить. И чтобы ремонт в новостройке был из элитных материалов, так что ремонт кухни или ванной по смете равнялись стоимости целой однокомнатной в хрущевке бедного большинства обитателей родного отечества.

Как ни странно, даже малолетки, типа нас это знают, но не знает прокуратура и полиция. Странно ведь, да?

Блин, снова эти мысли. Какие-то пессимистичные или фаталистические, даже не знаю точно. Снова они посещают меня, роятся, спорят там у меня в голове, дискутируют, поле-

мику ведут и даже дерутся.

Едва не наступив в большую, покрывшуюся тонкой коркой льда лужу, я выхожу из раздумий. И тут же врезаюсь в спину Гаврилы.

– Ты чего, Костыль? Опять философствовал? – оборачиваясь ко мне, воскликнул он и впервые за вечер улыбнулся.

Петляя среди машин и серых многоэтажек, мы, наконец, дошли до своего пяточка и встретили двоих парней из своей компании. Уже вместе с Витьком и Серегой, привычно вошли в один из подъездов, доехали на лифте до девятого этажа и выбрались через общий балкон в пожарный коридор.

Здесь все было тихо и тепло, как обычно. Сидеть в подъезде на ступеньках, обычное занятие для многих подростков, особенно из небогатых семей, и для тех, у кого нет еще определенных целей и планов в жизни.

Я такой же бестолковый, как и прочие. Мне тоже нравится сидеть в подъезде, смотреть на тусклый свет лампочки и порой кажется, что сама жизнь такая же тусклая вольфрамовая нить. Накалилась, чуток светит и непонятно, завтра включится или нет.

Вот Витек царапает гвоздем очередную пахабную фразу на изрядно изуродованной крашеной стене. Гаврила отстраненно слушает Серегину болтовню, а я смотрю на лампочку. В глазах большинства подростков уже читается безысходность, пустота жизни провинциальной. Неспособность создать, созидать, а может наоборот, понимание реальности.

Да, ладно подростки. С взрослыми то же самое. Каждый день, когда я еду в училище и захожу в любой городской автобус, вижу одно и то же, кучу хмурых лиц. На них легко читается полная апатия, чувство безысходности и уныния от бытия, рутины ежедневной. То ли бессилие изменить, то ли смирение перед реальностью.

То, что произошло дальше, в общем-то, никак не выбивается из общей картины жизни Гаврилы, района или провинции. Немного напрягает, но не так, чтобы найти ответ, избегать подобных ситуаций в будущем. Это кусочек паззла, часть реальности.

Примерно в одиннадцать вечера, мы вышли из подъезда, в котором зависали.

Прошлись по кварталу и остановились на пересечении тропинок между многоэтажкой и забором детского сада. Витек одолжил Гавриле электронную сигарету. Теперь Гав и Серега стояли и смолили. Витек рылся в мобильнике, а я ковырял носком кеда, вмерзшую в лед, небольшую ветку.

Если честно, то Гаврила был нетрезв. И этот фактор сыграл, как и прежде, решающую роль.

Из-за угла многоэтажного дома вылетел, натурально вылетел с чьей-то неслабой подачи, парнишка лет тринадцати. Буквально через секунду из-за того же угла показались двое местных лет двадцати и начали методично обрабатывать ногами, лежащего в полусознательном состоянии, салагу.

Мне показалось, что рядом со мной граната взорвалась.

Гаврила бросил сигарету на землю и прошипел сквозь зубы.

– На моих глазах мутные дела делать! Никогда.

И постепенно ускоряя шаг, двинулся к тем парням. Что потом было, трудно передать нормативной речью. Гаврила уже был в метре от отмороженных старшаков, когда оба заметили его. Первый отлетел к стене дома от прямого удара пяткой левой ноги. До второго Гаврила не успел добраться, я, Витек и Серега смели его на подмерзшую землю. Парни начали мутузить противника, а я направился к другу.

Гаврила зарядил первому старшаку с локтя, затем пару раз всадил ему в челюсть и когда я подошёл, он просто сидел на противнике и методично раздавал ему оплеух.

Сложно назвать лицом то, что было перед глазами. Я затронул Гаврилу за плечо, попытался оттащить, но он лишь стряхнул мою руку и продолжил метелить врага.

Через минуту, впрочем, он молча встал. Дождался, пока оба парня уберутся прочь и, только тогда, громко выдохнув, произнес.

– Не уважаю разные весовые категории.

После чего, как ни в чем не бывало, мой друг направился к парнишке. Все мы собрались вокруг салаги. Гаврила приподнял его, ухватив за подмышки и, потащил к ближайшему подъезду. Усадив парня на лавочку, сразу заговорил, наблюдая, как тот приходит в себя и отряхивает одежду.

– Вечер, просто отпад! Еще кого-нибудь сейчас ушатаю. Давай обойдем несколько кварталов?! – воскликнул неужи-

данно для всех нас, Гав.

– Угомонись уже! – ответил я ему, – Зачем лишние на-
пряги.

Он посмотрел недовольно на меня и повернулся к салаге.

– Чего тормозишь, малышня? Просто рубишь с плеча.
А лучше просто хватаешь за шиворот и головой об забор
или лавочку. Короче, обо все, что попадется на пути этой
многострадальной глупой головы. Это же твоя жизнь, твоя
честь. За это нужно рвать. Бой выигрывается еще до начала.
Запомни, салага. Побеждает тот, кто знает, что победит. Что
так нужно. Кому стыдно падать, у кого есть гордость и прав-
да. Побеждать нужно взглядом, давить любого сразу! Чтоб
не смел даже помечтать, что возьмет верх. Большинство сра-
зу сдадутся, лапки кверху. И вперед, бей, не бойся. Пусть
противник боится. Как звать? За что они тебя?

– Сема я. Деньги хотели отобрать, – ответил парнишка,
облизывая разбитую губу.

– Да уж, не удивлен, – ответил Гаврила, – Витек, вызови
такси. Поедем к Ирине. Она хоть Семену помощь окажет.
Вага, зеленка, короче.

Мы все согласились и без возражений поехали на кварти-
ру к знакомой девушке.

Взрослым вовсе не интересно, чем живут дети, чем инте-
ресуются, где тусуются. Кто-то в школу ходит, кто-то в учи-
лище, а кто в вуз. А в свободное время все меняется, они ра-
ботают, бездельничают. И вроде никаких ЧП. Тишина длит-

ся только до самого ЧП. Подавляющая часть умеет только ругать и запрещать и поражаться всему, что уже произошло. Мало кто способен предотвратить это, уделить внимание несформировавшимся личностям, таким как мы. Кому-то лень, большинству попросту не хватает ума, что тоже в принципе говорит о лени.

Хулиганы или отбросы, бездарное, пропащее поколение. Так говорят про меня, про много кого ещё таких же. Таких, как Гаврила, их не много и не мало. Может это и плохо, но он тоже человек со своими идеалами и жизненные принципы. Кто-то может и не приемлет его принципов жизни и норм поведения, каждый сам выбирает свой путь.

По мне, так его взгляд на жизнь реальный, трезвый, даже в пьяном состоянии. И его некоторые принципы и поведение, вовсе не грязные и не агрессивные и не асоциальные. В отличие от судов, где выпускают мажоров и детей чиновников, где оправдывают миллиардное воровство, он наказывает виновников сразу и в заслуженном объеме. Когда те, кто изначально создан, чтобы защищать нас, и содержится за наш счет, наши налоги, труд моих родителей, предают. Тогда наверно растет поколение, которое не ждет от них правды и помощи, не ждет поддержки, не теряет время на суды и деньги на адвокатов. Растет поколение, которое само решает свои проблемы. Одни растут, не боясь правосудия, а другие растут, готовые применить к обидчикам закон улицы. И взять правду кровью, здесь и сейчас. Не надеясь на за-

кон и защиту, брошенные на произвол собственным государством.

Глава 3

Спрячь ворон

*Руки в крови, мы променяли жизнь на деньги.
Солнечный день отдали за тёмную ночь.
Руки в крови – бесконечные войны.
Никому не нужны и сами себе не в силах помочь.*

*Наша тень говорит нам о бедах,
О безжалостной боли внутри.
Что собой представляют победы?!
Души наши и мы сами горим.*

*Прошлое внутри скребёт когтями.
На волю просится, скулит.
Но ты смотри! Ночами, днями.
Как водится, не выпускай. Не смей! Пойми.*

Небо под цвет моих подушек. Ласточки начали утреннюю охоту на мошкару. Я протираю с трудом глаза, вожу ногами по линолеуму в поисках тапок. А уже через десять минут выхожу из подъезда, пересекаю двор, перебегаю дорогу и неторопливо заворачиваю за здание автосервиса.

Дворники торопятся поскорее убрать свою территорию и успеть ухватить хоть часок утреннего сна. Про солнце ещё даже не слышно.

Очередная разборка началась из-за ерунды полной. Вя-

зались в канитель за свои обиды и, как оказалось, еще за чужих людей, тут уж только Гаврила все знает, но даже мне пока не рассказывает. Просто кого-то прижмём, чтобы лишний раз знали в лицо. Тем более в городе таких слишком много на улице развелось, грязи, недоумков по своим правилам. Время наступило такое, сплошные мажоры. Недавно такая фишка была, не поделили тропинку с четырьмя хмырями. Оказалось мажоры, и одеты по-уличному, так сразу и не признаешь.

Просто вышли оторваться, а ты знаешь, как отрываются некоторые детишки коммерсов и сундуков?! Собираются своей компанией, бухают и идут на улицу. Найдут какого-нибудь бомжа, и прямо там, где встретят, бьют, издеваются. Ладно, если живой останется. А бывает, просто катаются на папиной машинке по городу и стреляют в прохожих из пневматики или вообще из травмата. У нас одному знакомому как-то попали из пневмы, гематома была от подмышки до поясницы. Они отмороженные. Нет, это не гопота, у тех цель – деньгами разжиться. А эти, наоборот, от сытой жизни уставшие, у этих наоборот много денег и вседозволенность, и на самом деле нечем заняться.

– Ненавижу этих, Костыль! – не успев толком поздороваться со мной, зло воскликнул Гаврила.

Я здороваюсь с остальными, а он продолжает тираду.

– А почему вдруг должен любить их!? У них все есть, чем я хуже. Ходят сытые, покупают все, что хотят. А я каждый

день напрягаюсь, где сегодня переночевать.

– Успокойся. У каждого свои напряги в жизни, – с некоторой осторожностью возражаю я.

– Очнись, Костыль! Какие у богатых напряги, как потратить деньги?!

– Мой отец говорит, что у мажоров из-за денег даже больше проблем. Ведь это бесцельное существование, пустота. Вот нормальные люди встают утром, идут на работу, у них есть цели. Достигаешь цели, радуешься. В этом и жизнь. А у этих пустота. Поэтому мой отец считает даже, что среди мажоров больше наркоманов, чем среди небогатых людей. Есть деньги, жить скучно.

– Интересно твой батя мыслит! – икнув, произнес Гав, а затем махнув всем рукой, добавил, – Все, выдвинулись.

Раннее утро. Мы идём все еще сонные и вследствие этого озябшие по Санаторке в сторону Новинской на разборки чужих полётов. Позавчера возле одного из баров избili двоих наших парней. Хорошие дяденьки нашептали Гавриле, кто это сделал.

И буквально пять часов назад мой вспыльчивый друг забил этим организациям встречу. Вот. Вот кто не сонный. Гаврила, вперив глаза в асфальт, быстро шёл к месту встречи. Сна ни в одном глазу, лишь злоба. И Витек так же. Он вообще старается во всём подражать Гавриле.

Я шупаю в кармане и достаю электронную сигарету, а затем начинаю их догонять.

– Витек, поправь рюкзак, – хриплым голосом окликаю я. Да, забыл рассказать. Мы, вроде как, на рыбалку идём. Витек с рюкзаком, Аскен с Серёгой взяли спиннинги, а я с подсачником. Один Гаврила в боевых перчатках и руки в карманах. Остальные человек двадцать размазались по районам и идут по три-четыре человека к заданной точке.

Нам идти оставалось минут пятнадцать, когда Гаврила завернул к остановке, где все еще стоял, давно запрещенный игровой автомат. Мы остались ждать чуть в стороне. Спустя две минуты он подошел.

– Костыль, дай бумагу. Я сегодня не при деньгах, – попросил он.

– Ты чего, на автоматы подсел? – удивлённо спросил Аскен.

– Да так, по мелочи. Просадил, правда, пятихатку.

– Нормальные дела. Пошли лучше, Гав! – попытался остановить его я.

– Не надо. Сейчас всё в порядке будет.

Так и получилось, хоть мы и были уверены в обратном. Он взял у меня сотку, отдал стаканчик с кофе и ушёл. Через пять минут вышел, записывая на ходу деньги в карман. Спустя еще минуту, Гав отдал мне триста.

– Сколько? – спросил Витек.

– Полторы, – абсолютно спокойным голосом, ответил Гаврила.

– Нормально.

– И я про то же говорю.

Мы выдвинулись дальше. Пришли на пустырь за спортивным комплексом, недалеко от одного из местных прудов. Потихоньку подтянулись остальные. А тех мажоров не было. Ждали двадцать минут больше положенного.

Гав больше не вытерпел, схватился за телефон и начал названивать. То ругался в трубку, то вежливо говорил. Закончив разговоры, обернулся и подошел к нам.

– Всё. Едем сейчас.

– Куда, Гаврила? – спросил я.

– Тут недалеко, за городом. Эти тела должны быть на даче.

Никто и не сомневался, что не придут, за свои слова такие не в ответе.

Мы больше не спрашивали.

Подъехали три обычные машины. Мы просто сели и поехали. Остальные парни пошли по домам.

Через полчаса, изрядно попетляв по садовому товариществу, машины остановились.

Втроем я, Гав и Аскен шли впереди. Остальные в шагах тридцати позади.

Вокруг всё уже пахло летом. Виднелись цветущие вишни в садах. Сквозь заборы уже лезли кусты малины и прочей зелени.

Когда подошли к даче, Гаврила не думая ни секунды, перелез через забор. Нет, он не подумал о возможной собаке. Обезбашенный человек. Он перелез и открыл калитку.

Дом окружили. Гав, я, Витек, Аскен и ещё двое пошли через заднюю дверь, со стороны мансарды.

В доме оказалось три комнаты. В одной мы нашли двух пьяных парней. Они явно крепко спали. Ещё один спал прямо за столом на кухне.

И тут всё началось. Гаврила стал подниматься на второй этаж. Но попятился, и мы увидели почему. Перед самым носом у него был ствол. Это тело было в бриджах. Видно было, что ещё не протрезвел, но направил волюну прямо в нос нашему другу.

– Спокойно, пареньь, – сказал холодно Гаврила.

– Да, ребяташки, давайте спокойно, – сказал этот мажор и начал ногой толкать одного из своих.

И тут Аскен тоже вытащил ворон и направил на этого уродда.

– Нет, вам что, мало было!? Вы ведь из-за бара зачесались? – спросил нагло так пареньь, продолжая пинать своего.

– Ты с...а, не гони. Косяк за вами и спрячь волюну, – снова невозмутимо рявкнул Гаврила.

– Кто?! Как ты меня назвал!? Сосунок, тебе...

Он не успел договорить. Окно справа задребезжало, и его осколки стали сыпаться внутрь домика. Этого мгновения хватило Гаву, но не хватило противнику. Он повернулся в сторону окна, а Гав успел сделать всё, что хотел. Он резким движением отвёл руку со стволом, которую тут же перехватил Витек, а сам Гаврила обеими руками ударил мажору

по ушам. Затем молниеносно лбом дал ему в нос. От этого мужичок не смог оправиться. Из перебитой руки выпал вороненок, а здоровой он обхватил свою голову. Гаврила подошёл вплотную и, отведя его руки врозь, въехал коленом еще раз в нос.

В домик вбежали ещё пять человек.

Гаврила снова подошёл к этому мужику.

– Ты ведь не хочешь крови своих, уродец? – спросил он.

Мажор молча корчился, пытаясь остановить хлынувшую из носа кровь.

Гав пнул его по пояснице.

– Ты ведь не хочешь этого?

– Не-е-ет, – промычал, тяжело дыша, мужик.

– Кто наверху? Нет, пожалуйста, я не буду спрашивать.

Просто пульну всех, кто там, и все дела, – Гав выхватил у Аскена ствол и направился к лестнице.

– Там тёлки. Не трогай.

– Ок. Витек, Костыль, проверьте, – сказал Гаврила, в его голосе уже читалась откровенная злость.

Я вместе с Витей поднялся на второй этаж. Мы обошли все комнаты, обнаружили девушек и через некоторое время вернулись на первый этаж.

– Там две девчонки, лет шестнадцати, наши ровесницы.

Спят, – сказал я, обращаясь к Гавриле, – Я их разбудил и расспросил.

Я позвал жестом Гава и шёпотом рассказал всё остальное.

Гаврила, как обычно взбесился, но не стал распускать руки.

– Скажи, убудок, чем ты их напоил? Иначе я тебя кончу здесь и сейчас.

Мужик взглянул на Гаврилу и почему-то сразу ответил.

– Транквилизатор какой-то. Кумар полный. Они сами меня хотели.

– Вот ты тварь! – Гав набросился на него.

И никто его не удерживал. Он пинал его долго и упорно, а когда тот попытался схватить Гаврилу за ногу и повалить, то привёл его, как обычно в ярость. В такие моменты лучше даже своим не ввязываться. Обязательно перепадёт.

Мы в это время растолкали троих приятелей мажора и немного побили их, а затем сунули в овощную яму.

К этому времени и мой друг успокоился.

– Витек, – задыхаясь и утирая пот со лба, воскликнул он, – забери девчонок и езжай к Ирине. Объяснишь, как есть. Накормит и там по ситуации, может скорую вызовет. Или нет, пусть спят, или... Только не отпускайте, я ещё сам с ними побеседую, – он злобно плюнул на мажора.

– Да, Серега, пусть все уезжают, – он подошёл к нему вплотную, – Серый, – шёпотом сказал он, – машину на перекрёсток и жди там.

Остались только Аскен, я и сам Гаврила.

Он подошёл к мужику и наклонился.

– Ты меня слышишь? Надеюсь это так, в твоих же инте-

ресах, уе... к.

– У-гу.

– Так вот, всё, что мы хотели, сделали. А вот другие ещё нет. За косяк в баре тебе счёт от Партизана. Сто десять кусков завтра и добавь полтинник за этот косяк сегодня. Я его курсану, так что не дури. Найдёшь его в центре? На Хохрякова. Ты в курсе, думаю. Ок. Всё.

Гаврила уже было вышел, но вернулся, отодвинул меня. Подошёл к столу, взял вольту мужика, разрядил его и повернулся к нам.

– Раздвигайте.

Мы его поняли. Это было жестоко для наших. Для компании, даже для Гаврилы.

Он занёс ствол. Мужик попытался сдвинуть ноги.

– Пошли отсюда, – сказал тихим голосом Гаврила и вышел в сад.

Уже когда мы приближались к городу, я решился спросить. Все молчали, но я не выдержал.

– Гаврила, ты, правда, готов был это сделать?

– А что такого? Ну, извини, если не оправдал ожиданий, – хмуро съязвил Гав, и продолжил смотреть сквозь боковое стекло.

– Напротив, я рад за тебя. Сейчас куда едем?

– Ты разве спать не хочешь?! – Гав взглянул на меня.

– Нет. Что-то у меня столько впечатлений, что лишь бы бессонница не одолела.

– Тогда давай где-нибудь высадимся, а парни спать поедут по домам.

Мы так и поступили. Вылезли у перекрестка и пошли в ближайшее кафе пить кофе.

Я действительно был очень рад, что он сдержался в это утро. Не дал жестокости завладеть полностью мыслями, поглотить себя. Есть лишь одна надежда у меня, что друг мой сможет преодолеть этот кризис возраста. Подавит приступы агрессии. На это нужно много усилий и время, и возможно поддержка, дружба. Просто, мне кажется, что под маской самоуверенного, неадекватного подростка на самом деле спрятался добрый, веселый человек. А так он всего лишь прячет свои страхи, комплексы, возможно боль из-за матери и отца.

Глава 4

Снова это тело

*Людские нравы, верх безрассудства.
Склоки, ссоры, драки.
Одно сплошное паскудство.
Ложь во лжи, бесчисленные враки.*

*Людские нравы – обезьянье царство.
Недалеко ушли мы от приматов.
Мы крепко влипли, попали в рабство.
И слышно только отголоски мата.*

Асфальт снова приблизился на критическое расстояние в пару сантиметров от лица. Гаврила попытался встать, но сил уже не было, и он уснул мёртвецким сном.

На улице было ещё достаточно темно, но над городом небо уже светлело. Прошло около получаса и к лежащему посреди тротуара, без чувств, парню подошли двое мужчин в форме.

– Вставай, – слегка толкнув ногой в бок парня, прорычал один из патрульных.

– Чё хочу!?! – пытаюсь прийти в себя, поймать частичку разумного, промычал Гаврила.

– Что, что ты там проблеял, малолетка?! Собирайся в обезьянник.

– Без б, мусор!

– Я тебе сейчас покажу мусора, – взбешенно воскликнул патрульный и замахнулся дубинкой.

– Э-э, Серый, остынь. Будет ему ещё в отделе, – слегка оттолкнул его напарник со звездочками младшего лейтенанта, и тут же ухватил Гаврилу за ворот олимпийки.

– Отпусти, погонник. Ну перепил. Ну чего такого?! Де-е-е-нь рождения был, – промямлил Гаврила не в силах даже перевернуться на спину и сесть.

– Ты проспись! Потом поймёшь, какую борзоту сейчас нёс. Еще и уснул возле техникума, – довольно спокойным голосом ответил лейтенант.

– Без б, кореш. Отпустите. Я заплатить могу, – Гаврила умудрился повернуться на бок и даже приподнялся на локте.

Патрульные переглянулись.

– У тебя бумаг таких нет, чтоб с нами расплатиться. Да ты ещё и Серёгу оскорбил, – сказал лейтенант.

– Забудем прошлое, сколько просишь? – превозмогая сон, ответил Гав.

– Я тебе говорю, у тебя столько не будет, малолетка, – патрульный замолчал на секунду и тут же добавил, – Ладно, четыре косяра и мы тебя ещё и до ближайшего киоска довезём.

– Замётано. Где мой мобильник?! – Гаврила начал шарить по карманам, – Видишь ли, много купюр с собой не ношу. Сейчас приятель подвезёт.

– Началось. Что за отмазки, школота? – полицейские переглянулись.

– Э-э-э, я тебе не впариваю! – возмущенно воскликнул Гаврила, и тут же схватился за загудевшую еще сильнее от винных паров голову, – Давай до гипермаркета, пластик есть. Там и расплачусь.

– Ладно, парень. Верю на слово, – лейтенант внимательно смотрел на Гаврилу.

Гав сел в патрульную машину и вместе с нарядом поехал до ближайшего торгового центра, где имелись банкоматы.

Гаврила был непримирим к несправедливости, убийственен за своих друзей, но главное, пожалуй, не признавал авторитетов и не замечал преград в жизни. Это с одной стороны было уважительно, но с другой меня подобное даже пугало.

Через семь минут, после того, как его растолкали патрульные, он вылез из машины и направился напрямиком в тамбур гипермаркета. Зашёл внутрь, умудрившись сбить в холле какого-то мужчину лет сорока. Сам же ещё и обругал его. Затем прошёл в один из торговых залов, поздоровался по пути с парочкой знакомых и сделал несколько звонков. Затем купил бутылку минеральной воды и дошел до банкомата.

Долго Гаврила не стал задерживаться. Буквально через три минуты он уже стоял возле патрульной машины. Без слов и с полным безразличием на похмельном лице, сунул одному из сотрудников сложенные в узкую полоску купюры и направился в сторону видневшегося неподалеку, то ли парка, то ли леса. Он перешел проезжую часть, трамвайные пути и влез в зеленые заросли кустарника. Петля между сосен

и больших кустов сирени, он дошел до небольшой деревянной конструкции. Приблизившись к ней, Гаврила окликнул, сидевшего спиной к нему, паренька.

– Стекло, задницу поднимай!

– О, здорово Гаврила. Что случилось?! – перепуганным голосом воскликнул парень, едва не упав на траву, – Мне позвонили, сказали здесь сидеть и чего-то ждать.

– Ни чего, а кого! – раздраженно ответил Гаврила, делая несколько глотков минералки, – Меня ждать, идиот! Давай на свой мопед, до девяти попаси вот ту машину, – он ткнул пальцем в сторону кустарника и дороги, на другой стороне которой стояла патрульная десятка. Если пересменка произойдет, проследи за одним из них. Без разницы, кем. Вечером буду ждать звонка.

– Всё понял, Гав. Насолили?

– Не твое дело. С ними, как обычно. Много на себя берут, алчные. Достали уже.

– Всё ладом. Я побежал тогда, – пробормотал Коля Стекло и торопливо двинул к своему старому мопеду, прислоненному к сосне.

Гаврила достал электронную сигарету, стал наблюдать за удаляющейся десяткой и увязавшийся за ней мопед. Зрачки его глаз сужались и расширялись. Он стоял и курил, пока сзади его не окликнули.

– Гав, их обязательно трогать? Проблемы могут быть, – сказал коренастый, широколицый парень.

– О чём разговор?! Я, что, должен терпеть подобное! Еще и деньги забрали, я же не миллионер, свое кровное раздавать, – с металлом в голосе ответил Гаврила, оборачиваясь к двум, коротко стриженным, парням.

– Ясно-ясно, ладненько.

– Морда, я вчера сильно загулял? – уже спокойно спросил Гав.

– Довольно сильно. Ты хотя бы разбитые кружки помнишь?!

– Нет, а я в баре был? – удивленно посмотрев на Морду, пробурчал Гаврила.

– Угу, еще как был. Напился до чёртиков. Двоих наказал и пошёл на улицу.

– А дальше?

– История умалчивает. Ты даже Ирине сказал домой ехать. Нам сказал её отвезти, а ты типа гулять пошёл.

– Не ерунда! Еще и с ней объясняться придется, – окончательно расстроился Гав.

– Получается, что так.

– Кстати вы на колёсах или пешком? Подбросьте меня к Ирине.

– Поехали тогда. Я тебе еще минералки купил. Не впервой же ты в ауте!

Почти неделю я не видел друга, пока в субботу в шесть утра не раздался звонок. Это был Гаврила. Я оделся и быстро

дошел до очередной стройки в районе. Там, у забора, в деревянном временном переходе я и встретил его.

Осунувшееся серое лицо отражало недосып, злоупотребление алкоголем и возможно переживания.

– Костыль, мне помощь нужна, – прохрипел он, едва заведя меня.

– Ты из-за того сержанта, который случайно в травматологию позавчера попал? Переживаешь? За него или за себя?

– Именно. Костыль, чего-то перемудрили немного пацаны.

– Ты же конченный! Отмороженный. Ты думаешь, постовые это на тормозах спустят?! Они теперь весь район вверх тормашками перевернут, никому житья не будет. Ты же сам не прав был, так нет. Зачем молчать, зачем признавать, зачем думать о последствиях. Собственное самолюбие дороже! – вдруг неожиданно даже для себя, разорался я.

– Ты задрал уже, Костыль! Хватит паниковать. Не моя вина.

– А чья? Бота из мморг? Короче, вали к Ирине. И молись, чтобы на районе никто язык не распустил. Я позвоню Стеклу и Морде, покручу им за ответную. Мне через час на дачу с родителями ехать.

– Ну и вали свой картофан окучивать! Занимайся всякой хренью, вместо того, чтобы другу помочь, – воскликнул Гав. Я снова начал закипать.

– А я, что по-твоему делаю!? Ты даже это понять не хо-

чешь, лишь бы обвинить всех. А сам чистенький. Ты задолбал уже! На тренировке когда последний раз был? Ты ерундой занимаешься, а на нормальное дело времени нет. Отговорки постоянно. Сколько можно ерундой заниматься, Гав!

– Пошел ты! – вскрикнул он и пошел вдоль забора.

Я не стал его останавливать, пусть задумается. Полезно будет. Постоял еще секунд десять и вернулся домой.

А через два дня мы все-таки помирились. Куда уж без этого. Хотя отношения были еще некоторое время натянутыми, это чувствовалось в каждом разговоре. История эта затихла. Конечно, не хотелось бы, чтобы друг получил по заслугам, но в тоже время получилось плохо. Гаврила так и не понес наказания, не сделал выводов, а это часто приводит к еще большим неприятностям. Я решил забыть все, время покажет.

Сегодня с самого утра мы решили прошвырнуться вдоль всей промышленной зоны. И практически сразу встретили одного из своих.

– Привет, братуха. Где вчера шарахался? – обращаясь к невысокому худощавому парню, спросил Гаврила.

Я тоже поздоровался с Серегой.

– С приятелями в боулинге задержались на весь вечер. Один сынок коммерса платил. Все отлично было.

– Понимаю.

– А ты как? – спросил Серега, – Урезонил пацанов? Я слышал, в последнее время они с алкоголя слезть не могут.

– Да всё нормально. Обговорили, они исправятся. Я и сам не ангел. Недельку отдыха дал всем. Сам же всё время с подругой. Вчера посидели, обсудили дела с Витьком, да я домой свалил. С бате́й переругались, как обычно, и к подружке укатил. У неё и заночевал. Час назад только проснулись.

– С деньгами нормально? – подозрительно хитрым голосом спросил Серега.

Я напрягся, но понял, что Гаврила все тоже правильно понимает.

– Конечно. Обижаешь, Серый. Деньги есть, их не может не быть, но только не для тебя. Думаю часть наличности толкнуть одному телу, по делу говорит. За полгода себе сделает и мне тройной размер отдаст. Пусть крутится. Он ведь знает, что шутить не стоит. В общем, иди. Мы с Косом решили прогуляться вдвоем, обсудить напряги.

Грамотно он его конечно слил. И мы сразу пошли дальше.

– А, Гав! – воскликнул я, едва Серега скрылся из виду, – Пошли, по магазинам прошвырнёмся. Может, себе чего купишь. У меня мыслишки гардероб сменить или хотя бы присмотреть.

– Да, легко! – неожиданно просто согласился Гаврила.

И мы сразу направились к метро. Под мерный стук и свист разгоняющегося состава с Ботаники доехали до цирка и два следующих часа бродили по бутикам в торговом центре. Говорили о жизни и подкалывали каждую встречную девчонку. А затем встретили Морду, такое у него погоняло. Я даже,

оказывается, имя настоящее подзабыл, то ли Гриша, то ли Егор. В итоге он присел нам на уши и долго не отставал.

Морда неугомонно рассказывал о том, что снова начал гонять с бывшей. И про то, что Алинка ему всю душу отравила и к тому же залетела недавно. Еще денег на аборт просит, а он думает, давать или нет. Так-то он, гнилой человек, этот Морда. Напрягает меня, даже своим присутствием. Не знаю, почему Гаврила держит его в приближенных. По Морде, да уж, вот так вышло выражение. В общем, Морде по морде и выгнать из компании. Так бы я и поступил, но решать не мне, а как-то давить своим мнением, влиять я не хочу на друга.

Морда – обычный гнилой человек, таких множество вокруг. Ему нет дела ни до кого, кроме себя. А смысл жизни, удовлетворение сиюминутных своих потребностей. Так и с Алиной, ему нет дела даже до своего ребенка. Как он родится, кто его воспитает и как. И как он будет ненавидеть его и снова произойдет новый оборот. Не думаю, что Алина оставит ребенка, а значит, появится еще один отказник. Еще один человек, жизнь которого начнется с комнаты отказников в местном роддоме, куда каждый день приходят десятки таких вот малолетних дурочек, залетевших по наивности, по любви. Но чаще залетевших после дискотеки, бара, от отсутствия ума, низких морально-нравственных принципов и слишком легкого отношения к жизни.

Глава 5

Не дыши, не спи

*Правила улицы нужно знать и соблюдать,
чтобы под ответную раздачу никогда
не попасть!*

Когда попадаешь на бабло, о чём ты думаешь?

Наверно садишься на очко? Бежишь по связям? Или молча втуливаешь филки и живёшь дальше. Понятно всё с тобой.

И нет такого, чтобы предки знали, волновались. Но это у всех по-разному, кто-то задумывается о последствиях, а кому-то фиолетово на нервы близких людей.

Ты отвечаешь за свои действия, дела и мысли. А думки то бродят, гуляют внутри черепной коробки. Серое вещество вздрагивает от вариантов развития событий.

После очередной канители мы собрались возле одного из местных прудиков. Серега рассказывал очередную историю-сказку, как он убегал от полиции. Гаврила почти не разговаривал, сидел на старой крышке и чертил веткой по земле. Я с Витьком стоял возле ограды летней веранды небольшого кафе и рассказывал свою идею, как провести приближающиеся выходные. У меня осталось еще два государственных экзамена и диплом. И с каждым днем станови-

лось понятнее, что в армию раньше осени уже не уйду. Что ж погуляю лето, может поработать получится.

– Костыль! – окликнул вдруг меня Гаврила.

– Что, Гав? – я обернулся к нему.

– Что ты там утром по телефону говорил? – он внимательно посмотрел на меня, выбросив ветку в сторону.

– Это насчет моего брата. Этот придурок взял в одном из ларьков у вокзала деньги в кредит, чтобы запчасти купить. Подлатал машину, пошел шабашить, а заработанные деньги спустил с друзьями в клубе, вместо того, чтобы кредит погасить. В итоге там проценты накопились. Ты ведь знаешь, как там разводят людей. Два раза коллекторы приходили, угрожали. Мне в принципе на него наплевать, но родителей жалко. Они переживают за этого урода, – на одном дыхании выдал я.

– Что ты хочешь, Костыль? Как-то вмешаться в эту ситуацию? Накажем этих, придут другие, за ними люди стоят и явно не тысячами ворочают. Я не включаю заднюю, Костыль. Но мы все же молоды, чтобы против этих идти. Просто это не тот случай, его под дулом никто не заставлял подписывать кабальный договор и впрягаться. Сначала сами тупят, а потом плачутся. Извини Костыль, тут нужно твоим предкам быстро решать. Кредит в нормальном банке брать и гасить, пока не поздно, а брательнику твоему по шее надавать. Вот и все дела. Дураки никогда не переведутся, поэтому и предприимчивые мошенники и схемы тоже.

– Так-то ты прав, Гав. Ладно, попробую матушке втолковать, отец меня не станет слушать.

– Может по пиву, Кос? – Гаврила изобразил пальцами нечто. Его жест говорил о многом, но главное то, что он решил расслабиться.

Я развёл руками, как бы отвечая, почему бы и нет.

Мы вдвоём направились в кафе. Я напоследок бросил внушительный булыжник в пруд. Он мгновенно ушёл на дно, оставив чёрное пятно на грязной поверхности воды.

Войдя внутрь, Гаврила отправился набирать алкоголь, в то время как я подбирал закуску.

Я стоял почти у самой кассы, когда подкатил какой-то мужик и выдал фразу:

– Пацан, купи мне пива. Братан, купи.

За его спиной раздался отборный мат, мне срочно пришлось оттаскивать Гаврилу.

– Успокойся, забей. Забей, забей Гаврила! – кричал я ему в ухо, пытаюсь ухватить покрепче за широкие плечи.

– Что этот дегенерат себе позволяет?! – зло спросил у меня друг, пытаюсь вырваться и добраться до мужика.

Тот стоял возле витрины и пытался сообразить, что делать дальше.

– Свали отсюда, пока он не разбушевался, – заорал я этому телу.

Не сразу, но он врубился и исчез из поля зрения.

Мы подошли к кассе.

– Нам все это и пару зажигалок, – обратился я к довольно симпатичной девушке, через плечо какого-то мужика, который уже оплатил покупку, но не успел отойти. Затем мы оба прислушались к его словам.

– Я тебе говорю, какого лешего ты мне бутылку так открыла? Поменяй...

Из-за моего плеча высунулось недовольная физиономия Гаврилы.

– Тело! – раздраженно воскликнул он.

Мужик обернулся.

– Ты все купил? – Гаврила посмотрел на бутылку и заметил надколовшееся горлышко.

– Да, но...

– Товар тебе дали? – вмешался я.

– Да. Ты посмотри...

– Вали отсюда. Он очень злой, – повысив тон, продолжил я.

И он послушал, наконец-то что-то осознал, схватил бутылку и направился к дверям.

Всё бы ничего, но я Гаврилу много лет знаю. Уж слишком спокойный внешне он был. А в душе у него кипело. Это я чувствовал. Его эмоции недолго держались. А если кто-то нахамил, то это уже все, вопрос решен, он попал. Как его наказать, тоже неслабый вопрос. Но Гаврила всегда находит способ. Спускать на тормозах нельзя. Хотя нет, можно и порой нужно, но мой друг, к сожалению, так не умеет.

Мы купили, что хотели, и уже выходили из кафе, когда Гаврила отдал мне пакет и побежал между кафе и прудом.

Это надо видеть. Так на словах сложно передать.

Я успел завернуть за кафе, за мной тут же увязались Витька и Серега.

В конце панельного дома, что находился рядом с кафе, мы увидели Гаврилу, подбегающего к двум мужчинам. Одному он весьма эффектно всадил с лету в лицо, а второй, тот, что был в магазине, опешил от неожиданности и тут же, получив удар с локтя, приземлился рядом с приятелем.

Он начал вставать, когда Гаврила стал методично бить его ногами, а затем кулаками в голову, в спину, в поясницу.

Мы оттащили его только спустя пару минут. Он буквально рычал и плевался слюной, словно бешеная собака.

И напоследок он всё ещё разъярённо кричал мужику.

– Только попробуй ещё при мне грубить людям! Понты свои дешёвые кидать, терпила!

Всей компанией мы быстренько ушли подальше от пруда, в район аквапарка и уже там, в одном из сквериков сели пить пиво. А наш Гаврила ещё часа два возмущался.

Впрочем, остаток вечера прошёл спокойно. На удивление.

Уже смеркалось, когда мы довели Серегу до дома, а сами втроем Витек, я и Гаврила отправились к Ирине.

Затем дошли до подруги Гава и ещё часа три вместе пили пиво, то в комнате, то на кухне. Затем уснул Витек, прямо в гостиной, на паласе. Ирина смотрела телевизор и копалась

в смартфоне, и мы снова ушли на кухню.

– Зачем ты так психуешь, Гаврила? – наконец не выдержал я, – Сегодня вспылал, а что толку? Тот мужик все равно не поймет, как и не могут понять наши родители, представители старшего возраста. Но мы живём в реальности. Не стараемся задумываться о будущем, так как это очень смутно воспринимается. Беспредел на улицах, во всём мире. Такие слова, как глобализация, ВТО, наркобароны, международный терроризм для нас так же обыденны, естественны как для наших предков комсомол, мир, Гагарин, холодная война. Мы поколение, на которое хлынуло всё, что было в запертом сейфе, наше сознание пытается переварить и не может. Ведь даже у взрослых, у наших родителей психика не выдерживает нового. А этого нового по самые глаза. И не надо никого винить. Постсоветское пространство – плацдарм для дерьма всего остального, и в первую очередь капиталистического мира. Это сплошные грехи, фобии, мании, информационные войны, телезависимости, шаблоны, стандарты. Наше поколение поголовно тронутые шизоиды. У каждого свои загоны. Фишка вся в чём, нашим предкам самим никак не успеть догнать окружающую действительность, куда уж им въехать в наше понимание мира, ощущение реальности, мировосприятие. А у нас даже априори мало, а уж жизненного опыта – вообще крупинцы. Мы пытаемся, честное слово пытаемся сохранить эти крупинцы. Особенно светлые, чистые. Но многие из нас не выдерживают, ломаются.

Кто-то спивается, кто-то...

– Ты чего-нибудь понял? – прохрипел Витек, как оказалось проснувшийся и стоявший теперь в дверях, обращаясь к Гавриле.

– Нет, – ответил он, – А ты вообще иди спать, и не подслушивай!

Гаврила сделал пару глотков из бутылки и прохрипел.

– Костыль, вот ты столько сказал и хоть бы что-то по делу. Причем тут моя вспыльчивость и тот мужик? Он родился после войны, юность провел в сытые шестидесятые, в Афган не попал в силу возраста, а теперь просто живет спокойно, обвиняя в своей никчемности государство, снова ожидая, что о нем позаботятся. Таких же, как он, куча, считают, что им государство должно, все вокруг обязаны, а сами они пустышки. Никто им не должен, а сами ничего не могут и строят из себя значимость.

– А зачем срывать, что толку, что ты избил его? Он умнее не станет, а ты мараешь свои руки, тратишь нервы. Таких не исправишь.

– Нас всех не исправишь! В общем, не лечи меня, отстань со своей философией. Устал я уже. Не будь оленем, кругом охотники. Строишь из себя психолога. Пей пиво или иди домой, хватит мне нравочений, – завозмущался Гаврила.

Мои нравочения вконец достали его. И эта тирада продолжилась, если бы на кухню неожиданно не вошла Ирина и две незнакомые девушки.

Одна из них была стереотипная, одна из шаблонных подружек Ирины, с образом жизни согласно молодежным каналам и трендам. Длинные ногти, прическа, одежда были шаблоном и выдавали обычную фифу. А вот вторая оказалась непривычно странной для этой квартиры, по крайней мере, раньше среди знакомых Ирины таких мы не видели.

Может, конечно, я нетрезвый, то она показалась мне красивой.

Она сильно отличалась и от той с кем пришла, как небо и земля. Непонятно, что их объединяло, что общего было.

Даже Гаврила замолчал, и это заметила его пассия. Быстро познакомив, она попыталась увести девушек в комнату, но фифа начала вдруг флиртовать со мной. Гаврила ухмылялся, а я внимательно смотрел на ту, вторую и не обращал внимания на дешевые подкаты фифы.

Не знаю, что в ней зацепило, ясно только было точно, что понравилась. А что именно в ней понравилось?

Так я и смотрел, пока они не ушли в комнату. А мы остались допивать. Еще немного погодя я вызвал машину и уехал домой.

Глава 6

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

*В дыме сигарном погас.
Попал я в лапы никотина.
Как лучина поутру, человек во мне угас.
Запутался в яде, как в паутине.*

*Стою и смолю, как другие.
Мы глупцы, что дались яду в лапы.
Не скоро мы сгинем.
Но начались нашей смерти этапы.*

*Сквозь завесу из дыма смотрю.
На прекрасную жизнь без этой вредной
привычки.*

*Вспомнил, как начал курить и представил, как
привычку сотру.*

Эх, когда же найду я отмычку?

*От дверей в прошлую жизнь весёлую.
Где я жил, не курил. Не курили друзья
и знакомые.*

*Ведь не сплю и отчётливо помню,
Как мы жили, не ядом влекомые.*

*Режет глаза от дыма.
Не пожелать такого даже врагу.
Мозг в тумане, ноги стыннут.*

Я наконец-то защитил диплом, сбросил, так сказать, с себя этот камень. Теперь я очередной дипломированный специалист, каких в стране тьма. Правда, никому не нужных. Ведь обучают тех, кого не надо, а дефицитных специалистов или нигде не учат или никто не хочет учиться, не престижно. Многолетний дисбаланс в системе, в итоге экономисты работают товароведками и экспедиторами, директорами крупных предприятий управляют выпускники филиалов физкультурных университетов с дипломом бакалавров гостиничного бизнеса, фитнес-инструктора, специалисты широкого профиля в нефтегазовой сфере, у которых даже по своей специальности нет знаний, зато есть родители со связями и кучей денег.

Очередной жаркий день начинался, когда позвонил Гаврила. Я с радостью покинул душную квартиру и быстрым шагом двинулся на точку сбора.

Пока кроме нас двоих никого не было. Кто-то после смены отсыпался, кто-то после очередного летнего вечернего загула отлеживался, кого-то родители списком дел наградили с самого утра, а кто-то просто валялся перед телевизором.

Мы вдвоём с Гаврилой пробрались к Вовчику в квартиру, правда, не без помощи его мамы. Гаврила вошёл к нему в комнату и строго так сказал:

– Что, опять за компом! Каждый день одно и то же!

Реакцию Вовки надо было видеть. Мы думали, он выско-чит в окно. Нет, ничего подобного. Он отдышался и снова погрузился в монитор.

– Хватит туда пялиться! Ты с нами идёшь? – уже по-на-стоящему строгим голосом заговорил Гаврила.

– Куда? – не отрывая глаз от экрана, спросил Вова.

– Просто так. Прощвырнёмся, – ответил Гаврила, хитро улыбнулся и дёрнул шнур фильтра.

Компьютер почти сразу затих, монитор потух. Вова раз-вернулся на стуле и стал пожирать нас глазами. В них зата-ился закипевший гнев.

– Вы изверги! – воскликнул он.

– Тоже мне, новость дня выдал, что ли?! – продолжая са-модовольно улыбаться, ответил Гав.

– Таковую игрулю загубили, зарубили радость вы мою на корню! – завопил Вовка, – У меня там важное достижение было почти.

– Молчи, фанатик компьютерный! Одевайся во что-ни-будь, не виртуальное только. И двигай к подъезду, а то я те-бя силой вытолкаю из квартиры, – вполне серьезно ответил Гаврила, выходя в коридор.

– Не гоните лошадей, парни. Скоро буду, – расстроенным голосом пробурчал вирус.

– Ждём через три минуты, – добавил я уже из прихожей и захлопнул за собой входную дверь.

Вова наш хоть и хакер по натуре, в своей виртуальности

пожизненно, но друзей подводить не умеет. Мы, кстати, так с ним и познакомились. Очень давно, еще мелкие были. Тогда были популярны небольшие компьютерные клубы в разных микрорайонах, там играли все в приставки и компьютеры. И у нас такой был на районе, мы с Гаврилой туда иногда заходили пострелять команда на команду. Там же терлись всякие отморозки, иногда их кто-то гонял, а чаще нет. Они отжимали деньги у мелких, и вот однажды они подошли к моему другу. Пока я надевал курточку у входа, все произошло. Там как раз прессовали Вовку нашего и на Гаврилу набуровили. И уже тогда он показал, кто есть. Одному он разбил сильно нос, а второй решил убежать, что с таких трусов взять. Они только с виду храбрые, а что толку, ведь сам по себе он ничего не может, вот когда толпой тогда хорошо и не страшно.

Вова не опоздал и мы впятером, забрав на перекрёстке Витька и Аскена, отправились шарахаться по окрестным районам.

Уже вечерело, и жара летнего дня начала спадать. Мы зашли в обычный круглосуточный, купили немного светлого и сразу направились в сторону прудов.

Еще по дороге начались бесконечные споры и перепалки, про то, да про это. Не знаю, как это называется. Но мне стрёмно от этого. Не первый же год живём по правилам улицы. Презираем погонников, много кого ещё. Закончить бы с этим, но никак. Но ведь можно без этого, я думаю, мож-

но. А как представишь, что станешь, например, как обычные жить. Их прессуют в банках, в коммунальных службах, на улицах. Они даже не пикнут. И вот смотришь на них и думаешь, оно мне надо. Терпеть подобное отношение к себе, да лучше день с честью, чем всю жизнь терпилой.

Примерно в половину одиннадцатого, прикончив кейс, мы отправились в ближайший бар. Музыка там, кстати, оказалась неплохая. Попив пива и потанцевав, пошли дальше бродить. Зашли, как помнится ещё в один бар. Посидели в уголке немного, Витек уже клевал носом, Гаврила был без настроения, весь где-то витал в своих мрачных размышлениях. Аскен вообще ушел с девушками знакомиться, а мне осталось лишь молча наблюдать за всеми.

И только в третьем часу ночи, громко напевая песни и пугая собственную тень, мы взяли курс на сонное царство. Тогда лишь фонари на улицах стали нам встречными прохожими. Мы ввалились к Сереге и сразу же завалились спать.

Помню, как просыпался в шестом часу. Сходил в санузел и зашёл на кухню. Там сидел Гаврила и продолжал пить.

– Костыль, – пробурчал он, увидев мою физиономию в дверном проеме, – что с твоим братом?

– Родители взяли потребительский кредит в сбербанке. Машину брата отец продает. Матушка созвонилась с родственниками, вот и все. Дядя из Иркутска ждет этого оболтуса к себе на участок. Завтра поездом отправляем его на вахту в Сибирь, газопровод прокладывать, щебень таскать, в об-

щем, кредит отработать, – с горем пополам проямлил я в ответ и присел за стол напротив друга.

Мы покурили, обсудили некоторые мыслишки. И всё.

Странный необычный день. Спокойный, вот это и было непривычным. Как, оказывается, бывает, странно не когда что-то произошло, а наоборот, настораживает, когда ничего не произошло.

Я отправился дальше спать, а он так и остался со своими думками на кухне.

Вертолеты летали в моей голове. Я долго не мог уснуть и переваривал некоторые моменты последних дней, пытаюсь понять, сопоставить.

Ерунда вся в чём, в том, что Гаврила с виду такой обезбашенный. С чужими, незнакомыми он бес комнатный. А внутри он ранимее всех нас, вместе взятых. Он ребёнок с чистой душой по сравнению с другими парнями. Как его не корбило, не штормило в жизни, он сохранил много себя настоящего. Человеческого, что ли. Раскрывается он редко. Научился быть в маске злого, буяна, бездушного вожака стаи. Он совершенно сам вырос, самовоспитался, что ли. Без всяких подвязок, без участия отца и брата. Где-то в голове звонко бдзинькнуло и вот он такой. При этом он не махает понтами, дешевизной. Он знает, что за ним люди. Но даже я не знаю толком никого, он про них не любит говорить. Я понимаю, этот вопрос доверия. Я обижался раньше, пока не понял, тут дело не в доверии и дружбе, так положено.

В любой канители он за нас. А если кто из своих неправ оказывается, то от Гаврилы сам же и огребет, все по справедливости.

Правила улицы нужно знать и соблюдать. Единственное меня смущает, что он слишком серьезно ко всему относится. А люди, есть люди. Я более чем уверен, среди тех, кто сегодня его окружает много не настоящих, мелких и пакостных. Сейчас мило улыбается и клянется, а чуть что случись и предаст, кинет.

Но его бесят все эти грязные выходки горожан. Отморозков много. Кто говорит, что мы такие. Гав держит парней в узде. На всё, свои понятия. Но он чтит старших, в обиду не даёт мелких и нас пытается так жить научить. Верит в какого-то своего бога и нас к этой вере ведёт. Бог в каждом из нас, как он говорит. Мы сами выбираем, решаем. Боги мы или дьяволы.

Его подруга, Ирина, пытается отучить его от улицы и не может. Он говорит, не будет компании, не будет силы. Один в поле не воин. И какой бы он резвый не был, жену и детей будущих, невозможно в одиночку защитить в серьёзной ситуации.

А ничто не гарантировано. Ничто сейчас не гарантировано. Вот взять страну. Страна, как загон для волков, овец и гусей. Кто кого дерёт? Страна-загон с одним медведем-государством, кучами мяса и свежего клевера. Волки стаей пугают медведя. Хватают мясо, овец. Овцы пытаются урвать

клевера у медведя и за ним же пытаются спрятаться от волков. А ещё в загоне тусуются гуси. Кричат, пытаются с медведем сдружиться, а другие молча ждут, когда крылья отрасли и улетают из загона на луга, за границу.

Вот мой отец говорит, что буквально лет десять назад, не было толком ни зарплат, ни заказов на производстве, и машин мало было. А теперь у всех иномарки, коттеджи и при этом президент все равно плохой, все плохие. Вот это яркий пример, глупости, жадности и короткой памяти. И сколько не давай, все равно мало. Аппетиты растут, им все мало, зажрались. Такова современная Россия.

Глава 7

Цена глупости

*А небо хмурилось.
Тяжёлыми тучами словно падало вниз.
Оно невольно сутулилось.
Цеплялось руками оно за карниз.*

*А небо хмурилось.
И злыми глазами смотрело на нас.
Земля от молний обуглилась.
И слышу эхо знакомых мне фраз.*

*Иди, иди! И встань под дерево,
Что стоит посреди полей.
Я больше не реву,
Но стакан мне ещё налей.*

*И за дальним холмом в степи.
Я надеюсь, всё надеюсь, на встречу с другом.
Он застрелился, не услышав «Терпи.
И не слушай эту ругань».*

*Снопами искр взрываются.
Дни этого летнего месяца.
Я не знаю, как называется.
То во что в жизни верится.*

*В летних сумерках, в горячей дубраве.
Я буду тихо стоять.*

Лес весь в рубиновой оправе.

Смотрю и буду умолять.

Чтобы сердце моё забыло.

Все потери и утраты.

Коими жизнь перекормила.

Я люблю жизнь, ведь у меня одна ты!

Сегодня мне выдали диплом, а еще успел в военкомате пройти приписную комиссию. Теперь у меня до осени стандартный период «никому ненужности». Возможно, осенью заберут в ряды великой и могучей, долг отдавать.

За восемнадцать лет задолжал, пока ходил по городу, пока учился. Задолжал, как и все парни из небогатых обычных семей.

Со своей группой мы шумно отпраздновали окончание учебы и уже за полночь большинство разъехались по домам.

Не успел я лечь спать, как услышал из коридора недовольный голос отца. Отец мой впустил полуночного гостя, хоть и поругался в прихожей немного, это привычно для него.

Это был Гаврила, только выглядел он, не как обычно. Не было в его взгляде уверенности, жесткости. Он заявился ко мне посреди ночи, бледный, потерянный. Впрочем, когда я, отбросив в сторону начинающееся похмелье, вышел в прихожую, отец уже не ворчал, а наоборот вместе с моей матушкой приставал с расспросами к моему другу.

Сначала я решил, что он со своим отцом сцепился, обыч-

ное дело, но только вот его бледное лицо и потерянный взгляд раньше в таких ситуациях отсутствовали. Отмахнувшись от родителей, я втолкал Гаврилу в свою комнату. Усадил на диван.

– Что с тобой? Подрался опять? – прохрипел негромко я. Не сразу, но Гаврила ответил.

– В полиции я был, Костыль. Показания давал.

– Все-таки допрыгался, нашел проблемы! – раздраженно воскликнул я, – Предупреждал же, не надо срывать на улице. Не прыгай на всех подряд...

– Да заткнись ты! – вдруг громко воскликнул он, – это не из-за меня, а из-за вируса нашего. Вова застрелился.

Мои ноги подкосились, но попытка упасть удалась не сразу. Сначала я попал на край компьютерного кресла, а затем, уронив кресло с приличным грохотом, приземлился на ковер. В комнату зачем-то вбежала мама, из коридора выглядывал отец.

Я собрался с силами, поднялся с пола, вытолкал ее, попросив предварительно принести настойку успокоительного для Гаврилы.

Только спустя час он смог нормально поговорить со мной. Или не со мной, скорее это был монолог.

– Понимаешь, Костыль. Он просто взял и покончил абсолютно со всем. И зачем? И нам ничего главное, не сказал. Сам по себе, решил и сделал. Просто в одно мгновение, когда я просто в гости зашел. Я был в его комнате. Видел все

отчасти, слышал, обдумывал всё произошедшее. Я пришёл к нему в семь вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.